

Четвергъ 1-го Сентября 1916 г.

Обозрѣніе ТЕАТРОВЪ

Ежедневная газета съ программами
и либретто петроградскихъ театровъ

№ 3207

Театръ А. С. Суворина

«Чайка» А. Чехова.

Если бы до начала нынѣшняго сезона, кто либо сказалъ намъ: «Суворинскій театръ откроется «Чайкой»,—мы никогда этому не повѣрили бы, столь мало выжестся Чеховъ съ общимъ направленіемъ названнаго театра, со всеми выработанными долготѣйшей практикой приемами. Да и прежде еще, при жизни основателя и вдохновителя Малаго театра А. С. Суворина, Чеховъ, несмотря на нѣкоторыя узы, связывавшія его съ Сувориннымъ, никогда не былъ въ этомъ театръ репертуарнымъ драматургомъ. Ставились только его мелкія вещи, да и то не всѣ. Изъ крупныхъ же произведеній, которые собственно и утвердили за Чеховымъ славу драматурга, были сыграны только «Вишневый садъ» (въ сезонѣ 1910—1911 гг.). Можетъ быть, отчасти театръ былъ правъ, какъ бы избѣгая Чехова, потому что для надлежавшаго воплощенія его пьесъ нужны совсѣмъ особые приемы, нужна привычка къ передачѣ всѣхъ тѣхъ тонкостей интимнаго стиля, которыми полны Чеховскія пьесы. Съ наскоку ихъ не одолѣешь, точно какой-нибудь непритязательный пустячекъ Островскаго,—жанръ сердцу Малаго театра особенно любезный.

И вдругъ теперь «Чайка», пьеса обозначающая въ драматургіи Чехова нѣкій поворотъ въ сторону образованія деликатнѣйшаго и своеобразнаго стиля, тѣхъ самыхъ новыхъ формъ, необходимость которыхъ провозглашается въ пьесѣ устами Треплева. Неудивительно, что нынѣшнее открытіе театра А. С. Суворина весьма заинтересовало театраловъ.

Если послѣдніе въ итогъ должны были вынести разочарованіе, то въ этомъ повинна извѣстная рутина Суворинскаго театра, въ силу которой пьесы зачастую репетируются безъ должной серьезности и тщательности. Отсюда превращеніе пьесы Чехова, овѣянной атмосферой нѣжности, грусти, лиризма и тяжелой драмы къ концу, въ нѣкій веселенькій водевиль. Въ самомъ дѣлѣ, почему такъ жизнерадостно было въ зрительномъ залѣ? Откуда эти дружные смѣхы въ самыхъ неподходящихъ мѣстахъ? Что забавнаго, напримѣръ, въ сценѣ объясненія Аркадій съ Тригоринымъ въ 3-емъ актѣ? Комическій оттѣнокъ получился, благодаря совершенно несоответствующей настроенію переживаемаго момента пластикѣ г. Рыбникова, игравшаго Тригорина. Тутъ большой недосмотръ режиссера. Вообще исполненіе отличалось разрозненностью, не было цѣльнаго настроенія. Попадались лишь отдѣльныя сужбыя пятна, что доказывало возможность лучшихъ результатовъ, будь

работа надъ постановкой болѣе усердной и вдумчивой.

На первомъ планѣ изъ отдѣльныхъ исполнителей необходимо поставить г-жу Мунтъ, нашу старую знакомую сначала по московскому Художественному театру, послѣ по театру Коммиссаржевской Мейерхольдовскаго періода. На сценѣ Малаго театра она выступила впервые и своимъ исполненіемъ роли Нины Зарѣчной произвела отличное впечатлѣніе. Ея манера исполнена благородства, пластика дѣлаетъ каждый моментъ игры чрезвычайно привлекательнымъ по выѣжности, простотѣ и ясности въ свою очередь углубляютъ впечатлѣніе, интонаціи полны искренности и неподдѣльнаго одушевленія. И вся Нина Зарѣчная у нея такая чистая и свѣтлая, новитая солнечною радостью. Вторая новая актриса г-жа Днѣпрова, крупное имя въ провинціи, оставила въ роли Аркадіи неопредѣленное впечатлѣніе. Видна большая техника, но и только. Очевидно, Чеховъ не въ ея стилѣ.

Г-жа Игорева дала въ общемъ правдивый обликъ Маши, но впечатлѣнію вредила излишняя подчеркнутость игры. Надо бы гораздо проще. Роль Полины Андреевны, жены управляющаго Шамраева, была въ рукахъ г-жи Любарской, еще одной новой актрисы труппы; матеріала здѣсь очень мало, но то, что дано авторомъ, было воплощено г-жей Любарской вполне въ надлежавшемъ тонѣ.

Самую трудную мужскую роль Треплева, этотъ нервъ всей пьесы, игралъ г. Глаголинъ, и это было интересно и просто, была большая глубина переживаній, проявлена неподдѣльная горячность тамъ, гдѣ было нужно. Очень живую фигуру далъ г. Тяненскій въ роли Сорина. Тригоринъ былъ бы вовсе недурень у г. Рыбникова, если бы не подчеркнутость комическихъ интонацій и жестовъ.

Здурардъ Старкъ.